

КРИСТИНА ЮРАШ

Пленница
ДРАКОНА

Вылечить
убийцу мужа

Темные желания (однотомники)

Кристина Юраш

**Пленница дракона.
Вылечить убийцу мужа**

«Автор»

2026

Юраш К. Ю.

Пленница дракона. Вылечить убийцу мужа / К. Ю. Юраш —
«Автор», 2026 — (Темные желания (однотомники))

Он убил моего мужа. А теперь я принадлежу ему. Я должна вылечить убийцу моего мужа. Клятва не даёт желать ему смерти. А сердце не даёт дышать ровно, когда он рядом. Он ранен. Я связана. Крепость окружена туманом. И с каждым днём лечения грань между жертвой и похитителем стирается. Что случится, когда я вылечу его? Или кого на самом деле исцеляет эта рана? Кто из нас первым сорвёт маски: монстр, который учится чувствовать, или целительница, которая забывает ненавидеть?
#пленницадракона #темноефэнтези #отненавистидолюбви #целительница
#клятва #врагивлюбовники #любовноефэнтези #попаданка

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	12
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	15
Глава 9	17
Глава 10	18
Глава 11	19
Глава 12	20
Глава 13	21
Глава 14	22
Глава 15	23
Глава 16	24
Глава 17. Дракон	26
Глава 18. Дракон	27
Глава 19. Дракон	28
Глава 20. Дракон	29
Глава 21. Дракон	30
Глава 22. Дракон	31
Глава 23	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Кристина Юраш

Пленница дракона. Вылечить убийцу мужа

ПРОЛОГ

— Ты хочешь увидеть лицо того, кто убил твоего мужа, целительница?

Голос звучал глухо, искаженный металлом, но каждая интонация была отчетливой, как удар хлыста.

— Или ты надеешься найти в моих глазах раскаяние?

— Откуда ты знаешь, чья я жена? — ошеломленно прошептала я.

Его осведомленность меня пугала. Но я не собиралась отступать.

— Я тебя узнал. Я видел твой портрет в его окровавленных руках. Он, умирая, смотрел на него.

Последняя фраза была откровенным глумлением, насмешкой. Над моей болью, над моими чувствами.

Сейчас во мне была такая концентрация ненависти, что если бы я могла убить его сквозь прутья, я бы это сделала. Невзирая на клятвенную печать медикуса, клеймо, которое горело на моей руке, не позволяя использовать магию во вред.

— Он умирал, глядя на него. А я... Я посмотрел и запомнил тебя, — ответил узник спокойно, почти ласково. — Любопытно же стало, кто та женщина, ради которой боевой маг готов умереть, не сделав ни шагу назад.

Я почувствовала себя так, будто с меня содрали кожу живьем.

Это бессердечное чудовище положило могучие руки на магическую решетку камеры, тяжестью могучего тела опираясь на прутья. Глядя на мощь его тела, мне на мгновение показалось, что он сейчас их выломает, но нет. Ужасная железная маска этого жестокого полубога-дракона приблизилась ко мне.

Решетка под его огромными руками заискрила, как проводка в щитке, заставив меня отшатнуться. Несколько искорок попали на мою белоснежную хламиду и тут же погасли.

— Мне нужно, чтобы вы сняли маску, — холодным, как скальпель, голосом произнесла я, стараясь держать себя в руках. — Мне нужно осмотреть вас перед транспортировкой.

Жестокий смех ударился о сырые каменные стены подземелья, застряв зловещим эхом в гулком коридоре. Искаженный железной маской, он звучал почти демонически. Другие узники притихли, словно это смеялась смерть.

В том мире, в котором я училась на медика, зубря лекции и заливая усталость кофе, люди верили, что демоны существуют. И мне казалось, что сейчас я разговариваю с одним из них. “Исчадь ада”, — сказали бы про него в том мире. Здесь же его просто называли чудовищем, монстром.

И самое страшное, что ему это льстило.

Моя дежурная просьба снять маску прозвучала тише, чем я планировала, но в мертвой, давящей тишине подземелья она показалась слишком громкой. И я даже испугалась звука своего голоса.

Печать на запястье ныла, реагируя на обжигающую душу ненависть. Она словно шептала: “Не навреди! Ты давала клятву!”

Я знала протокол наизусть. Мне нужно подписать акт о состоянии транспортируемого перед отправкой. Никаких личных контактов. Никаких эмоций. Только холодный профессионализм.

Но покойный Эверт заслуживал большего, чем сухие строки в рапорте: “Эверт Коин, лейтенант, погиб при исполнении спецзадания в столичном секторе. При задержании опасного элемента, угрожавшему жителям города, он погиб в неравном бою. Благодаря его героизму жертв было намного меньше. За заслуги он награждается медалью “Герой Империи” посмертно. Магический совет просит у вас прощения за невозможность доставить останков лейтенанта для захоронения. Он обещает, что позаботится о них со всеми почестями”. Он заслуживал, чтобы я посмотрела в глаза чудовищу, которое стерло его из жизни.

Я сама вызвалась сопровождать эту тварь. И теперь не имею права дрожать.

— Я хочу видеть глаза убийцы, — шепотом ответила я, чувствуя, как эмоции рвутся наружу.

“Нельзя! Успокойся!”, — пронеслось в голове, а я зажала метку на руке, словно умоляя ее дать мне шанс выжечь все своей ненавистью.

Чудовище крепче сжал решетку. Из его груди послышался рокот.

Стражники напряглись. Их руки легли на рукояти мечей, пальцы побелели от напряжения, но узник даже не повернул головы в их сторону.

Он смотрел только на меня. Сквозь узкие прорезы железной маски. Я не видела глаз. Маска скрывала даже их, но я чувствовала его взгляд. Он потянул воздух возле меня, словно хищник, принимающийся к добыче.

Узник резко отошел от решетки, прошел вглубь роскошной камеры и затерялся в полумраке, словно растворившись в нем.

У него не было имени. Я не знала, кто он. Не знала, чье имя проклинать. Я не знала о нем ничего. Только номер.

Через мгновение его силуэт снова проступил из тьмы. Зловещий, массивный, давящий.

— Ты хочешь видеть мои глаза? — повторил узник медленно, словно пробуя слово на вкус, смакуя его. — О, мои глаза видели многое. Твой муж был просто... препятствием. Он стоял между мной и свободой. Он напал первым. Разве ты не учила в своей Академии, что жизнь — это игра на выживание?

Чудовище снова рванулся к решетке.

Цепи толщиной с человеческое предплечье натянулись с жалобным скрежетом. Магические символы на кандалах вспыхнули ослепительным светом, подавляя его силу, оборот, но он даже не обратил на это внимания.

Боевые маги-сопровождающие инстинктивно попятились. Они боялись его. Эти люди, способные одним взмахом руки снести каменную стену, дрожали перед одним пленником в кандалах.

— Мне запрещено снимать маску. Королевским указом, целительница, — насмешливо заметил он, снова вдыхая меня со стоном наслаждения. — Так что тебе придется довольствоваться тем, что есть.

— И хорошо было бы, если бы вы разделись, — дежурным, не дрогнувшим голосом произнесла я, глядя на его широкую грудь. — Я должна осмотреть вас на предмет побоев и прочих повреждений...

В ответ на мою просьбу он просто рассмеялся.

— Разве что только для тебя. Но как-нибудь в другой раз. Я уверен, он скоро наступит.

У меня подкосились колени.

Страх был физическим, тяжелым грузом в животе, сковывающим движения.

— Подпиши свой документ, — приказал он, и в его голосе вдруг появилась сталь приказа, режущая слух. — И запомни этот момент. Когда мы окажемся за пределами этих стен, я обещаю, что убью тебя первой.

Мое сердце пропустило удар, остановившись где-то в горле.

Я хотела возразить, хотела крикнуть, что я — медикус, что я нахожусь под защитой закона, но язык отказывался слушаться, превратившись в ком сухой ваты.

В этом обжигающем взгляде, скрытом за железом, не было блефа. Там была абсолютная, непоколебимая уверенность хищника, который уже выбрал жертву.

«Он специально меня провоцирует!» — пронеслось в голове. — «Не показывай ему свой страх!»

Узник наклонился ближе, и железный оскал маски оказался всего в нескольких дюймах от решетки. Я заглянула в темные прорези и увидела не зрачки, а два тлеющих уголька. Древних, голодных и бесконечно чужих.

Магия, исходящая от него, даже подавленная, просачивалась наружу, заставляя волосы на моих руках подниматься дыбом.

— Ты думаешь, целительница, эти люди защитят тебя? Ты думаешь, они удержат меня? Ты думаешь, эти жалкие искры магии смогут остановить пожар? — хрипло и сладко шепнул он.

Глава 1

Запах магии, старой крови и холодной стали ударил мне в лицо, заставляя голову закружиться.

— Они здесь не для моей охраны. Это тоже часть моей игры, — медленно закончил он.

Я развернулась, едва держась на ногах, и взяла перо из рук дрожащего писаря.

— Ну что там? — слышался недовольный грубый голос начальника тюрьмы Варрока.

Он грузно спускался по ступеням, мучаясь отдышкой.

— Эта девка его осмотрела? Можно транспортировать? Или девка еще возится?

Меня передергивало от этой липкой и потной близости Варрока. Он выглядел толстым, неопрятным мужчиной с маленькими холодными глазами. Впервые, когда я его увидела, позвякивающего огромной связкой ключей, как символом власти над сотнями жизней в подземельях, он мне сразу не понравился.

А вот я ему, видимо, понравилась.

— Целительница хочет, чтобы я снял маску... — в голосе узника слышалась насмешка. Он разговаривал с начальником тюрьмы, как с подчиненным.

— Ни в коем случае! Это приказ короля! — резко произнес Варрок, словно чего-то испугавшись. — Маску не снимать!

Я смотрела на роскошную по меркам остальной темницы комнату, похожую больше на спальню замка, а потом на начальника тюрьмы, который вытер пот серым скомканным платком.

Его толстые пальцы протягивали мне еще один лист.

— А почему он содержался в таких роскошных условиях? — прошептала я, беря лист и пробегая глазами.

— Подпиши еще вот это, — потребовал Варрок, протягивая пергамент.

Он просто проигнорировал мой вопрос. А меня жгло! Он столько человек убил. Он безумен. Он... он... убийца! С чего это такая честь? Почему не тюк прелой соломы и шербатая миска воды?

Пальцы начальника тюрьмы случайно коснулись моей руки и задержались на ней, и я подавила желание отшатнуться.

— Протокол транспортировки. Ты подтверждаешь, что заключенный стабилен и пригоден для перевозки.

— Вы не ответили на мой вопрос, — упрямо заметила я, беря чернильницу и перо.

— Приказ его величества, — отрезал Варрок.

“Кто же ты такой?” — пронеслось в голове, а я бросила взгляд на узника, который уселся в роскошное кресло, как на трон, и наблюдал за мной.

Глава 2

Моя рука двигалась механически, выводя мое имя, Катиша Коин, в графе «Ответственный медик». Чернила казались чернее обычного. Гуще. Похожими на свернувшуюся кровь.

Я подписала документ и вернула его.

Теперь всю дорогу я должна была смотреть в глаза этому монстру. Должна была чувствовать его дыхание. Должна была быть готова исцелить того, кто отнял у меня будущее, отнял счастье, мое солнце, превратив жизнь в череду серых унылых дней, полных тоски.

Узник снова засмеялся. На этот раз громче. Звук эхом отразился от сырых сводов темницы, заставляя факелы в коридоре дрогнуть и затрещать.

— Конвой! — послышался приказ Варрока.

Послышался лязгающий звук. Это со всех сторон набежали боевые маги. Их было слишком много. Это меня немного успокоило. С такой охраной и с таким конвоем мне нечего бояться.

— С дороги, девка! Не путайся под ногами! — гаркнул мне на ухо Варрок.

Взгляд начальника стражи скользнул по коже, липкий и неприятный, словно масло, разлитое по камням.

Я молча отошла в сторону, вживаясь в роль тени.

Любой звук, любое движение будет истолковано против меня. Боевые маги сейчас нервные. Малейший шорох или не то движение, и меня спишут в расход.

Здесь, во внутреннем дворе Черной Цитадели, правда не имела веса. Имел вес только страх. И мой страх, посеянный словами узника, был настолько густым, что казался осязаемым туманом, забивающим легкие.

Два отряда боевых магов стояли живым коридором. Решетки клетки звякнули. Магия с шипением погасла.

Узник сделал шаг в коридор.

Он не шел как пленник. Он шел как хозяин этого мира, который временно снизошел до прогулки среди смертных. Его черный плащ струился за спиной, как крылья. Его фигура возвышалась над конвоем, как скала над травой. Даже самые высокие маги доходили ему лишь до плеча.

Поравнявшись со мной, чудовище резко остановилось. Сердце пропустило удар, когда железный оскал маски оказался в дюйме от моего лица.

Одна фраза, произнесенная так тихо, что услышала только я, заставила воздух застыть в легких:

— Ты мне понравилась. Так и быть. Я не убью тебя сразу. Посмотрю, сколько времени понадобится, чтобы твой огонь погас. Чтобы ты сама умоляла о смерти...

Глава 3

Дождь в столице всегда пах мокрым камнем и дымом, но здесь, у ворот Черной Цитадели, к этому запаху примешивалась тяжелая, металлическая аура страха и безнадеги.

Морось секла лицо холодными иглами, заставляя ежиться под тонкой тканью мантии.

Никто не отдернул узника. Никто не посмел даже поторопить его.

Стража, гроза улиц и бунтов, стояла столбами, опустив глаза. Я почувствовала. Они боялись его.

Узник двинулся вперед. Медленно. Лениво. С той грацией хищника, который невольно заворачивает. Его черный плащ, тяжелый от влаги, стелился по полу, словно живая тень, поглощающая свет факелов.

Я шла в четырех шагах позади, как и положено идти целителю, зажата между двумя рядами боевых магов. Их доспехи звякали в такт шагам, создавая ритмичный, давящий гул.

Это величественное, злое полубожество притягивало мой взгляд против воли. Каждый его шаг отдавался вибрацией в груди, там, где билось сердце, загнанное в угол паникой и предчувствием надвигающейся беды.

“Прекрати накручивать! Ты посмотри, сколько боевых магов сопровождает его! Думаешь, не отобьются?” — успокаивала я дрожь в коленях.

Впереди, сквозь серую пелену дождя, вырисовывались силуэты карет. Не обычных экипажей, а черных, усиленных магическими рунами коробов с решетками на окнах. Их было три. И вокруг — гвардия. Сотня мечей, сотня заклинаний наготове.

«Ничего себе...» — пронеслось в голове. «Да тут целая армия на одного. А ты боялась! Все будет хорошо!».

Эта мысль должна была меня успокоить. Если бы не одно “но”. Мне придется ехать с ним в одной карете и следить за его состоянием во время перевозки. И в случае чего оказать медицинскую помощь.

— Какой пасмурный день, — раздался хриплый голос, приглушенный железом маски. Он звучал так, будто исходил из самой земли. — Это небо проливает слезы. По вам.

Начальник тюрьмы ничего не ответил.

Я видела, как напряглась его шея, как побелели костяшки пальцев, сжимавших свиток. Он боялся. Боялся больше, чем показывал.

Я примерно знала, в чем обвиняют узника.

Мне удалось мельком ознакомиться с делом, пока дежурный писарь Совета Магов, чихая от пыли, писал мое направление.

Два свитка. Плотные, исписанные мелким почерком преступления: государственная измена, массовые убийства, применение запретной магии... Список его преступлений казался бесконечным.

— Заключенный номер семь-ноль-один, — произнес Варрок, наконец обретя дар речи.

Капли дождя падали на пергамент, размывая чернила. Начальник тюрьмы прокашлялся, но его голос был сиплым.

— Согласно королевскому указу, вы переводитесь в место содержания, координаты которого не подлежат разглашению. Вы обязаны беспрекословно подчиняться конвою. Любое сопротивление или попытка бегства будут пресечены силой. Наказание — смерть.

Глава 4

Узник остановился. Даже сквозь маску я почувствовала, как он улыбается.

— Ваша смерть, — тихо уточнил он. А в его голосе было столько снисхождения, что я не выдержала и скрипнула зубами.

Варрок проглотил эти слова, словно горькую пилюлю.

Его маленькие свиные глазки вспыхнули ненавистью, но он промолчал. Спорить с этим полубогом было опасно.

Преступника повели к центральной карете. Он шел так, словно позволял себя вести. Словно он был хозяином положения.

Двери со скрипом распахнулись, выпуская клубы пара от заклинаний обогрева.

— Боишься? — шепнул Варрок, поравнявшись со мной. Его рука, тяжелая и влажная, хлопнула меня по бедру. Удар был несильным, но отвратительным в своей фамиллярности.

Я скрипнула зубами, подавляя желание ударить его в ответ. Но протокол запрещал медику применять силу против сотрудников тюрьмы. А закон... Законом здесь и не пахло.

— С чего мне бояться? — мой голос прозвучал ровно, но внутри все сжалось в тугий комок животного ужаса.

— Как с чего? — Варрок наклонился ближе, и я почувствовала запах перегара и дешевого табака. — Он людей жрет, девка. Очень любит человечину. Говорит, кости хрустят, как сухари.

Мой желудок дрогнул. Ком тошноты подкатил к горлу. Я сделала глубокий, шумный вдох, втягивая холодный воздух, чтобы подавить панику.

От этого чудовища можно ожидать всего, чего угодно.

— Пошевеливайся! — гаркнул он. — Потом красоваться будешь! Кстати, как насчет приятного вечера после смены? А?

— Увы, у меня много важных дел, — ледяным голосом ответила я.

— Ну конечно! Спасать людей! Исцелять их! Ты думаешь, ты спасаешь жизни? — хрипло усмехнулся Варрок, вытирая пот со лба. — Ты просто выполняешь функцию. Как мясник, только наоборот.

— Я медикус, — огрызнулась я, чувствуя, как печать начинает ныть.

— Медикус... — он плюнул себе под ноги. — Знаешь, почему вас всех клеймят, девка? Потому что пятьдесят лет назад один из ваших «святых» решил, что он вершитель судеб. Убил королеву и наследника. И с тех пор каждый ваш вдох контролируется Советом. Вы — не люди. Вы — рабы...

Желчь поднялась к горлу. Он знал. Все они знали эту грязную тайну, которую в Академии преподавали как «урок ответственности».

Глава 5

Но для меня это было не уроком. Это было проклятием, из-за которого я не могла даже ударить этого жирного урода, когда он в очередной раз лапал меня за бедро.

“Меня предупреждали, что Варрок — это еще тот мерзкий тип, но чтобы настолько!” — пронеслось в голове, когда я стиснула зубы.

Отвращение поднялось горячей волной. Это липкое, собственническое внимание было хуже, чем страх перед драконом. Дракон был стихией. Варрок был грязью.

Пришлось забираться в карету как есть. Волосы рассыпались, мешая обзору, но времени приводить себя в порядок не было. Я наскоро сколола их шпильками.

Внутри кареты пахло старой кожей, маслом для оружия и озоном. Запах магии пронизывал карету со всех сторон. Ну еще бы, она должна быть неуязвима для нападающих.

Внутри карета была огромной. В несколько раз шире стандартного экипажа. Пространство было рассчитано так, чтобы помимо узника, медика и начальника конвоя, здесь могли разместиться шесть боевых магов полной экипировки.

Я залезла внутрь, крепче сжимая сумку с зельями. Кожа сумки была холодной и шершавой. Сумка была собрана по протоколу. Что-то вроде дежурной аптечки.

«Он скован!» — шептал внутренний голос, пытаясь успокоить дрожь в руках. «На нем обсидиановые наручники, подавляющие магию цепи. Он ничего не сможет сделать. Он не сможет обернуться драконом и разрушить карету. Он не сможет вырваться. Он просто играет с тобой. Запугивает».

Между мной и узником висела тонкая, почти невидимая стена силового поля. Со стороны казалось, что воздуха между нами достаточно. Но стоило протянуть руку, как пространство начинало искривляться, искажаясь, словно воздух над горячим асфальтом жарким летом. Прикоснуться к нему значило получить удар током и остановку сердца.

По сигналу Варрока карета дернулась. Колеса зазакрипели по брусчатке, и мы тронулись.

Я села на жесткую скамью напротив чудовища. Узник сидел по-королевски. Широко расставив ноги, облокотившись на спинку, он занимал собой половину пространства. Его руки, закованные в черное железо, лежали на коленях расслабленно.

И впервые я увидела что-то кроме маски и плаща.

Из-под капюшона, скрывающего его голову, выбилась длинная темная прядь волос. Она упала на плечо, контрастируя с мрачным металлом маски. Живая деталь в образе статуи смерти.

— Целительница. Тебе там не тесно? Садись мне на колени, — послышался смех. Глухой, вибрирующий в грудной клетке рычанием.

Глава 6

Рука в черной перчатке лениво похлопала себя по бедру. Жест был непристойным, вызывающим и абсолютно спокойным.

Я промолчала. Протокол Корпуса Медикусов, пункт 4, параграф 2: «Запрещено вступать в вербальный или физический контакт с транспортируемым заключенным без крайней необходимости. Крайней необходимостью считается угроза его жизни или здоровью».

Поэтому я не должна отвечать. Я должна оставаться статуей. Тенью. Шестеренкой в бюрократической машине.

Я опустила глаза себе под ноги.

Моя белоснежная мантия, символ чистоты и статуса, была испачкана брызгами грязи у подола. Грязь тюремного двора.

Я тихонько шевельнула пальцами, активируя простое очищающее заклинание. Легкое золотистое свечение пробежало по ткани, убирая пятна. Маги должны выглядеть безупречно. Это вопрос престижа профессии.

Но внутри кареты становилось невыносимо душно. Воздух был спертый, насыщенным запахом его кожи, металла и опасности, которая исходила от него, несмотря на кандалы.

Слева от меня, как две каменные глыбы, сидели боевые маги. Их присутствие не защищало, а давило. От Варрока, усевшегося справа, несло потом и похотью. Мне хотелось отодвинуться, сжаться в комок, исчезнуть. Но бежать было некуда.

Рука Варрока легла мне на колено, а меня передернуло. «Терпи!» — сглотнула я, мечтая сжечь его руку дотла. Но печать медикуса вспыхнула предупреждением, реагируя на мои жестокие намерения.

— Ты будешь по мне скучать, Варрок? — спросил узник. Его голос звучал снисходительно, словно он обращался к назойливой мухе.

Варрок молчал, уставившись в пол. Его челюсть ходуном ходила от напряжения. Но это не мешало ему делать непристойные знаки внимания в мою сторону.

— Ты посмотри на бедную девочку, Варрок, — в голосе чудовища слышался смех. — Тебе ее не жаль? Куда тебе, старому потному борову, такая хрупкая красавица? Ей нужен другой мужчина... Тот, что не раздавит ее в постели...

Карета резко дернулась на выбоине. Меня бросило в сторону. Я испуганно вскрикнула, едва удержавшись на сиденье, чтобы не врезаться лицом в силовую стену, отделяющую меня от дракона.

Варрок разразился отборной руганью, адресованной кучеру. Он и сам чуть не слетел на пол.

Мои руки судорожно вцепились в край скамьи. Что-то мелкое соскользнуло с моей головы и упало сначала на плечо, затем на рукав, а потом на пол. Из прически выбилась прядь волос.

“Шпилька!” — пронеслось в голове. Я замерла, чувствуя, как холодный пот выступает на спине под тяжелой тканью мантии.

Звук был едва слышным, но в напряженной тишине замкнутого пространства он прозвучал отчетливо.

Я мгновенно зафиксировала движение напротив. Узник не дернулся, не изменил позы, но его черный сапог медленно, почти небрежно накрыл упавший металлический предмет. Он придавил шпильку подошвой, словно стирая её существование.

Его палец поднялся к маске и прижался к губам железной маски, словно требуя, чтобы я промолчала.

Глава 7

Но я не собиралась молчать. Мой долг был сообщить о любом происшествии.

— Докладываю. Шпилька упала. Узник придавил ее сапогом, — четко произнесла я.

Голос звучал ровно, слишком ровно для того хаоса, что творился у меня внутри.

Это был просто рапорт.

Согласно протоколу транспортировки объектов особой важности, маг или медикус сопровождения обязан фиксировать любые, даже минимальные изменения в поведении заключенного или окружающей обстановке. Любая мелочь могла быть сигналом: подготовкой к побегу, активацией скрытой магии или попыткой создать оружие из подручных средств.

Моя задача — видеть всё. Докладывать обо всем. Быть глазами и ушами безопасности там, где стража может отвлечься.

— Плохая девочка, — снисходительно и даже как-то нежно произнес узник. — Очень плохая. Я обязательно тебе это припомню.

И в его голосе послышалась улыбка, пробирающая меня страхом до кости.

Варрок, сидевший рядом, фыркнул. Звук вышел влажным и презрительным. Мне даже показалось, что он хрюкнул.

— Да брось, ерунда все это, — усмехнулся он, даже не глядя на узника. — Ну что он сделает этой шпилькой? В носу поковыряет? Отбой опасности!

Начальник стражи придвинулся ко мне еще ближе, нарушая личное пространство. Я почувствовала его дыхание на щеке — тяжелое, горячее, пропитанное резким запахом лука, дешевого табака и пота.

От этого смрада меня замутило, но я не позволила себе отшатнуться.

Вместо этого я холодно отвернулась к окну, продолжая держать ситуацию под контролем. Периферийным зрением я отслеживала положение рук узника, ритм его дыхания, любое напряжение мышц.

Но рука Варрока уже была на моем колене.

Толстые липкие пальцы с кольцом — знаком имперского отличия — сжали ткань моей мантии, а затем и плоть под ней, тяжело и собственнически.

Сама рука была толстой, грубой, с короткими сломанными ногтями, под которыми забились грязь.

Это было не домогательство в привычном смысле — это была проверка власти. Он проверял, могу ли я, официальное лицо, противостоять ему здесь, в этой железной коробке, где закон казался чем-то далеким и призрачным. А единственным представителем закона был он сам.

Я понимала, что магический Совет за меня не заступится. На такие вещи он смотрит сквозь пальцы, не желая вступать в конфликт с представителями закона ради какой-то целительности. Они мыслят масштабами. Поэтому защищать себя мне придется самостоятельно.

Брезгливость поднялась во мне холодной, острой волной.

Я посмотрела на толстую руку, лежащую на моем бедре, и брезгливо, словно снимаю клеща, взяла его за большой палец. Не агрессивно. Профессионально. Я сняла его руку с себя, отодвигая конечность прочь.

Варрок опешил. На секунду в его глазах мелькнуло недоумение, а затем — злобное веселье.

— Да че ты ломаешься? — усмехнулся начальник тюрьмы, наклоняясь так, что я снова ощутила запах его несвежего дыхания. — Думаешь, твой статус тебя спасет?

Глава 8

— Простите, но я не приемлю подобного обращения, — произнесла я, сохраняя ледяное спокойствие. Внутри все сжималось от напряжения, но внешне я оставалась монолитом. — Будьте так любезны, соблюдайте правила приличия. Вы мешаете мне выполнять мои обязанности. Вы меня отвлекаете.

Варрок рассмеялся. Смех был лающим, неприятным. И закончился нездоровым покашливанием.

— Правила здесь одни! — прокашлялся он, и слюна брызнула мне на щеку. Я не стерла её. Не могла отвлечься. — Мои. Так что давай, не упрямясь. Вы в своей Академии ноги направо и налево раздвигаете, чтобы дипломы получать. Не строй из себя недотрогу, целительница. Мы все знаем, кто вы такие на самом деле. И не надо изображать здесь леди. Магички — не леди... Они все...

Слово ударило сильнее, чем пощечина. Оно было грязным, клеветническим, но я не позволила эмоциям взять верх.

Я стиснула зубы. В висках запульсировало. Одна мысль — всего одна вспышка гнева, одно желание защитить свою честь, отправив в этого человека поток огня, — и печать на запястье вспыхнула адской болью.

Это был удар раскаленным железом прямо в нерв. Боль пронзила руку, поднялась по плечу и ударила в сердце.

Нам, целителям, запрещалось даже думать о причинении вреда. Клятва Ненасилия выжигалась в нас навсегда на первом курсе.

«Клянусь жизнью моей служить жизни других. Клянусь рукой моей исцелять, а не карать...»

Боль пронзила руку, заставив выдохнуть сквозь зубы. Клятва Ненасилия. Магическая печать, выжженная на коже каждого целителя. Попытка причинить вред — даже в мыслях, даже в ответ на удар — оборачивалась агонией, способной лишить сознания. Мы были живыми воплощениями добра, обязанными лечить тех, кого ненавидим, помогать тем, кого хотелось убить.

Варрок знал это. Он пользовался моей беспомощностью.

В моем мире, где я была студенткой, за такие слова можно было получить повестку в суд. Здесь же это считалось нормой.

Я закрыла глаза, пытаясь отгородиться от запаха его перегара. Семь лет назад я проснулась в этом теле, чувствуя чужую боль в груди. Сердце деревенской девушки Катиши Рид не выдержало ритуала клятвы в начале первого курса.

Память услужливо подкинула картинку: холодный камень главного зала Академии и голос Верховного Мага, читающий слова Клятвы. Торжественные хоры не могли заглушить крики боли каждого, кто проходил через это зверское испытание. А еще я помнила носилки, на которых выносили тех, кто не выдержал клятвы.

Итого. Из двадцати шести человек на первый курс было зачислено одиннадцать. В том числе и я. Смертельные случаи были один. У остальных просто не хватил магического резерва. А это означало, что целительство — не для них. Кто-то даже отказался в последний момент давать клятву, уступая место следующему. Катиша Рид согласилась. Она, видимо, мечтала стать целителем. Что ж... Ее мечту исполнила я. Я помнила голос ректора. Торжественный и немного печальный:

— Мы и так отменили вступительные экзамены на целителя. Клятва — вот вступительный экзамен! Если вы не можете ее выдержать, то, к сожалению, вы не сможете лечить людей. У вас

попросту не хватит магического резерва. Мне очень жаль, что в этом году у нас так немного студентов. В прошлом году их было намного больше...

Глава 9

Я училась вместо Катиши. Я молчала, когда чего-то не знала. Быстро поняла правила нового чудовищно несправедливого мира. И впитывала знания, как губка, закончив Академию с отличием.

Я стала лучшей актрисой в этом театре абсурда и произвола. А чужое имя приросло ко мне, заставляя отзываться на него моментально.

С момента посвящения я не имела возможности себя защитить. Ни магией, ни оружием. Я имела право только лечить, спасать и проявлять милосердие. Мы были легкой добычей. И хоть закон защищал нас с особой тщательностью, мы были бесправными, ведь в последний месяц после смерти Императора никто не соблюдал законов. Поэтому повсюду царил произвол.

Я закрыла глаза на долю секунды, подавляя боль. Каждый раз, когда кто-то нарушал мои границы, я вспоминала тот мир, где могла дать сдачи. И эта память жгла сильнее, чем магическая печать.

Боль в запястье утихла, оставив после себя лишь тупое, пульсирующее нытье.

Я открыла глаза.

Варрок все еще смотрел на меня, ожидая слез или мольбы. Он хотел видеть слабость женщины, которую можно сломать.

А получил лишь холодный, оценивающий взгляд медика. Взгляд человека, который видел смерть чаще, чем этот жирный тюремщик видел мыло.

— Вы закончили? — спросила я тихо, незаметно сканируя узника магией. — Заключение стабильно. Пульс в норме. Дыхание ровное.

Варрок нахмурился, почувствовав, что потерял контроль. Он хотел сломать меня, но наткнулся на стену профессионализма.

— Еще посмеешь огрызаться, я напишу в докладе, что ты вела себя непрофессионально, — пробормотал он, отворачиваясь и демонстративно плюнув на пол кареты. — Помни, что отчет пишу я, а не ты! И мои ребята все подтвердят! Интересно, что тебе устроит твоя гильдия? Выговор? Или похуже?

Я перевела взгляд на узника.

Он сидел неподвижно. Мне показалось, что он внимательно слушает нашу перепалку. Я заметила, как чуть склонил голову набок. Он слышал всё.

И, что самое страшное, я почувствовала... интерес.

Глава 10

Там, в темных прорезях маски, тлели угли. И они были направлены на меня. Словно больше никого в этой карете не существовало. И этот взгляд заставлял меня чувствовать неуютно.

Узник медленно, едва заметно кивнул. Будто подтверждая какую-то свою, скрытую от всех мысль.

Я бросила короткий взгляд, а потом нахмурила брови и отвела глаза на его сапог.

На этот раз я заметила, что его нога, прижимающая шпильку, сдвинулась. Но шпильки на полу не оказалось.

Тревога вдруг пробежала по моей спине и хлынула холодным потом.

Я заметила это первой.

Шпилька была в его руках.

«Он ничего не сделает! Ею не открыть замок!» — скрипнула я зубами.

Острие шпильки скользнуло по металлу, словно выискивая слабое место. Я не понимала, что он делает. Конец шпильки остановился в одной точке. В эту секунду легкий разряд ударил в одну точку, а символы на кандалах вспыхнули болезненно красным светом.

«Черт!» — пронеслось в моей голове. Испуганное. Ошарашенное. Только что я поняла, что он сделал!

Он нашел в кандалах слабое место и использовал шпильку как проводник собственной магии. Капля магии в нужную точку. Иногда этого достаточно, чтобы сломать даже сложное заклинание!

«В любом заклинании есть дыры. Их не избежать, — пронеслось в голове обрывком лекции. — Любое защитное плетение имеет узел резонанса. Если подать импульс нужной магической частоты через металл-проводник в точку пересечения силовых линий...»

Резкое движение напряженных сильных рук, и кандалы лопнули. А потом с лязганьем цепи и грохотом упали на пол.

Черная перчатка обхватила запястье руки и растерла его, словно оно затекло.

«Откуда он узнал точку пересечения? Откуда он вообще про такое знает? Это же высшая магия?» — в ужасе пронеслось у меня в голове.

Узник никуда не спешил. Он наслаждался ужасом и замешательством.

— Он только что сломал кандалы! — дернулась я. — Вы слышите!

Варрок побелел.

Его жирное лицо обмякло, превратившись в маску первобытного ужаса. Он не кричал приказов — он визжал, задыхаясь, пытаясь отползти в угол кареты, прочь от того, кто только что доказал, что никакие цепи его не удержат.

Глава 11

Воздух между нами сжался, как перетянутая струна, и лопнул.

Не звуком — ударной волной.

Меня отбросило к обшивке, плечо глухо стукнулось о дерево, из легких вырвалось сдавленное шипение.

Силовое поле рассыпалось дождем из фиолетовых искр, обжигая кожу запахом озона и жженой шерсти.

Я сжалась в комок, инстинктивно закрывая голову руками. Крики конвоя слились в один нечеловеческий вой.

“Выбирайся из кареты! Быстро! Заденут!” — пронеслось паническое в голове, но тело внезапно ослабло.

“Нет! Не лезь. Не поднимайся!” — перебила первую мысль вторая.

Все внутри оцепенело, а секунды растянулись в вечность. А через мгновение время словно ускорилося.

Магия хлестала по стенкам кареты, выбивая щепки, превращая пространство в густое электрическое поле, от которого волосы на затылке встали дыбом.

“Главное, чтобы не попали!” — пронеслось в голове среди стаи перепуганных мыслей.

Карету тряхнуло так, что меня прижало к полу.

Лошади заржали, подковы заскрежетали по камням. Карета дернулась. Я попыталась залезть под лавку, прикрывая голову руками. Чей-то сапог хрустнул по моей сумке. Что-то лопнуло, и на сумке растекалось пятно. Я попыталась затащить ее под скамью. На пол рухнул боевой маг, растекаясь кровью.

Тяжелый удар — двери снесены, словно дерево уже прогнило.

Холод и туман хлынули внутрь, мгновенно смешавшись с дымом и пылью.

Сквозь эту пелену я увидела чудовище.

Он не бежал, как бежали бы другие заключенные, пользуясь моментом.

Трое боевых магов в серых мантиях и потертых доспехах бросились на него с перекрещенными клинками, плетя связывающие петли магии. Они хотели набросить на него магическую сеть, придавить его, обездвижить. И я молилась, чтобы у них получилось.

Узник даже не поднял рук.

Просто шагнул. Воздух стусился, и я услышала влажный, глухой звук — как топор в сырое дерево. Маги упали, не вскрикнув. Их тела скрутило неестественными углами, мантии мгновенно впитали темную влагу.

Рука в чёрной перчатке схватила меня за плечо. Не больно, но с такой абсолютной силой, что дыхание выбило из груди.

Меня выволокли наружу, бросили на мокрую, ледяную землю.

Туман облепил лицо, тяжелый, соленый, пахнувший сырой землей и железом. Я попыталась встать — ноги не слушались. Они словно были чужими. Только сейчас я почувствовала, что не чувствую ничего ниже пояса.

Глава 12

Парализующее заклинание. Жужжание в ушах, холод по позвоночнику, мышцы ниже пояса отказывались откликаться на команды мозга.

Я дернула пальцами, нащупала лямку сумки. Мокрыми от крови и росы руками расстегнула пряжку. Рука нырнула в сумку, а я оцарапала ладонь о стекло разбитого флакона.

Зелье от магического оцепенения.

Я выгатила его, и теперь стеклянная фиала дрожала в руке. Глоток. Горький, жгучий, пахнувший полынью и еловой смолой. Еще один. Жидкость обожгла горло, но туман в голове не рассеивался. Я поползла. Локти, колени, грязь впиталась в ткань мантии, камни царапали кожу.

Нужно бежать.

За спиной — грохот, треск доспехов, обрывки заклинаний, чей-то хриплый крик, оборвавшийся на полуслове. Потом — тишина.

Не внезапная, а тягучая, зловещая, впитывающая звуки, как губка. Только лошадиное ржание, далекое и нервное.

И туман, плотный, молочно-белый, скрывающий горизонт и стирающий границы мира.

И тут я услышала в этой пронзительной тишине жуткий хруст и чавканье.

Я напряглась, чтобы удержать в желудке воспоминания о завтраке. Это был самый страшный звук, который я когда-либо слышала. Быстрее, пока он не закончил свое чудовищное пиршество! Надо бежать! Что же зелье так медленно действует? Это просто... просто...

Я до боли укусила губу и захныкала, проклиная закон подлости.

— Какой же ты вкусный, лейтенант. Но капитан был вкуснее, — послышался насмешливый голос. Не рядом. Словно из самого тумана. Низкий, бархатный, с той же ласковой интонацией, что и в подземелье.

Я закашлялась, выплевывая остатки зелья.

Горло саднило. Магия паралича медленно отступала, оставляя в мышцах вату и жжение.

Я лежала неподвижно, прислушиваясь к шагам. Тяжелым, уверенным. Я повернула голову. Узник шел в мою сторону, таща за собой Варрока. Начальник тюрьмы был еще жив.

Словно мешок он плюхнулся в грязь.

Глухо, мокро.

Варрок лежал в двух шагах, извиваясь, как червь, выброшенный на берег.

Кровь текла из носа, заливая рот, капала на воротник мундира.

Он икал, хрипел, пытаясь оттолкнуться локтями, но пальцы скользили по грязи, оставляя алые полосы.

Над ним нависла тень. Узник. Маска съехала, обнажив линию подбородка — жесткую, волевою. По коже стекала алая струйка. Он медленно поднес руку к лицу, оближал пальцы. Я увидела краешек: зубы нечеловечески острые, язык темный, жадный. Он слизывал кровь с пальцев, стонал, закрывая глаза, словно от наслаждения.

— Я просто вспомнил, что сегодня не позавтракал, — заметил он насмешливо. — И решил сделать остановку, чтобы перекусить. Надеюсь, вы не против. Тем более, что обед ехал с нами.

Глава 13

Я молчала. Сглотнула. Варрок, услышав шаги, пополз ко мне, прячась за мою спину. Его дыхание было горячим, прерывистым, липким от страха.

— Или что? — голос узника стал ледяным, как лезвие клинка. — Смертнику последний ужин не полагается? Вы же везли меня на место казни, не так ли?

В его руке, расслабленно, почти лениво, лежал свернутый пергамент. Приказ. Печать Совета Магов.

Чернила потекли от влаги, но я узнала формулировку. «Экстрадиция для исполнения приговора». Они не везли его в другую тюрьму. Они везли его на плаху. И он это знал.

Узник снова провел языком по окровавленным пальцам. Тихий стон вырвался из-под маски. Звук был слишком откровенным, слишком животным.

Ужас, холодный и липкий, пополз по позвоночнику. Значит, маги не врали. Этот дракон жрет людей.

В этот миг я осознала самое пугающее: в его движениях не было человеческой жестокости или садизма. Не было даже наслаждения от чужой боли.

Для него это было просто... естественно. Как дыхание.

В его позе не читалось ни злобы, ни жажды крови — лишь древнее, безразличное принятие себя как вершины пищевой цепи.

Он был чужим. Полностью, безвозвратно чужим.

И никакие земные законы, наши клятвы или человеческая мораль не имели над ним власти.

От этой холодной отчужденности внутри всё застыло, но именно она, парадоксальным образом, и выпрямила мой позвоночник.

Если он не человек — значит, и бояться его по-человечески бессмысленно.

Я вспомнила пыльные фолианты Академии, раздел «Драконьи аномалии», лекцию профессора Вейгерда, который шептал о запретных страницах. Редкое проклятие. Проклятье Древних. Не все драконы ему подвержены. Кто-то довольствовался стадом, кто-то — пастухом. Но те, кто пил человеческую кровь и жрал людей, становились сильнее. Неизмеримо. Их магия переставала подчиняться законам равновесия.

— И вас осталось двое, — произнес узник, выдохнув на приказ. Из его рта появилась тонкая струйка огня. Пламя тут же охватило бумагу, и та почернела, превращаясь в пепел.

Сейчас я чувствовала, как воздух густеет от его голода.

Паралич наконец отпустил ноги. Мышцы дрогнули, наполняясь болью. Но вместе с болью пришла и сила. Я медленно поднялась. Трава холодила сапоги. Вокруг — тишина. Только туман, да где-то в выси равнодушно пела птица. Кровь капала с обшивки кареты, звонко, размеренно.

Бежать? Куда? В этом молоке не было ни дорог, ни ориентиров.

Защищаться?

Печать на запястье уже пульсировала, предупреждая. Я могла только стоять.

— Кто готов мне служить? На колени. Один из вас останется в живых. Может быть.

Глава 14

— Я... я... — прохрипел Варрок. Его колени коснулись земли с глухим шлепком. Лоб уткнулся в грязь. — О, мой господин! Мой повелитель!

Я не двинулась. Выпрямила спину. Ветер трепал полы испачканной мантии, пахнувшей дымом и кровью. Я смотрела на чудовище. На маску. На кровь, застывающую на подбородке. На язык, который ее слизал.

— Лучше убей, — гордо произнесла я. Голос не дрогнул. — Я не встану перед тобой на колени. Я не встану на колени перед убийцей мужа. Давай... Сделай милость... Я ждала этого момента. Отправь меня к нему!

Узник не ответил сразу. Взгляд скользнул по Варроку, который жалко полз к его сапогам, пытаясь обхватить голень.

И только сейчас я заметила, как вторая рука узника появляется из-за спины с кинжалом боевого мага. Лезвие было темным от крови. Капля сорвалась, упала в траву, впиталась без следа.

Движение было слишком быстрым. Раз — и Варрок дернулся. Лезвие вошло начальнику тюрьмы под ребро, вышло через спину. Тюремщик даже не успел изменить выражение лица. Только глаза расширились, в них застыло немое, детское изумление и ужас. Он осел, словно мешок с мокрой глиной.

Я замерла с открытым ртом. Дышала редко, глубоко.

Узник сделал шаг. Потом еще. Тени сгустились вокруг его сапог. Кинжал остался в теле Варрока. Он не стал его вынимать. Но я видела, что он способен свернуть шею голыми руками.

— Держи подарок, целительница. Сознайся, ты мечтала, чтобы кто-то убил его, пока он лапал тебя в карете. Я тоже мечтал о его смерти. Как видишь, у нас с тобой оказалось кое-что общее, — прошептал он. Страстно. Густо. Словно признаваясь в любви. — Ты нравишься мне с каждым разом все больше и больше... Есть в тебе стержень... В твоём муже его не было... Я тут подумал и решил выбрать тебя...

Кровь капала с его пальцев.

Тёмная, густая, пахнувшая серебром и чем-то древним, от чего у меня сжалось нутро. Ветер поднял плащ, и я увидела на боку рану. Кто-то из боевых магов все-таки ранил его. Жаль, что не убил.

Узник не скрывал рану.

Разорванный край камзола на боку обнажил плоть, где кожа была испещрена белесыми трещинами, будто по ней прошёл мороз, выжигающий жизнь изнутри. Магия подавления.

Я знала этот рисунок. Обычно это применяют в сражении с сильным магом, чтобы подавить его способности.

Чужая рана пульсировала и вытекала кровью в такт моему собственному сердцебиению, и я почувствовала странное, извращённое сочувствие к тому, кто только что растерзал конвой.

В голове всплыл хриплый голос Варрока, полный самодовольства, когда он вручал мне инструктаж: «У нас есть оружие против сильных магов! Так что не бойся, девка! Оно кого угодно ранит, даже таких, как он. Специальная сталь, пропитанная анти-магическим ядом».

Мой взгляд метнулся к раскрытой сумке. Среди осколков стекла и разлитых зелий блеснула рукоять. Хирургический скальпель.

Конечно, не боевой клинок, а всего лишь инструмент. Но в моих руках, сжатых от отчаяния, он мог стать единственным шансом.

Тем более, чудовище ранено. А значит, ослаблено. Это мой шанс. Пусть убийца заплатит по счетам!

Глава 15

Я задрожала всем телом, словно в ответ на эту ужасную мысль. Может, судьба дала мне шанс? Шанс отомстить?

И в этот момент что-то во мне оборвалось.

Что-то, что пряталось под белой мантией, под Клятвой, под семью годами молчания и покорности. Горе, которое я носила как камень в груди, вдруг превратилось в кипящую и бурлящую лаву.

“Сейчас!”, — скомандовала я себе. Только бы я успела. Пусть это будет последнее, что я сделала! Но лучше так, чем... чем... что-то другое!

Мои пальцы сами нашли холодную рукоять. Скальпель был лёгким, почти невесомым. Я не помнила, как сжала ее. Не помнила, как бросилась вперед. В голове билась одна мысль, глухая, как набат: «За Эверта. За Эверта. За Эверта».

Шаг вперед. Я знала, что иду на смерть! Я не знала, что убьет меня раньше. Мои собственные мысли или он. Мне было уже все равно.

Мир взорвался.

Печать вспыхнула не на коже — внутри. Будто в грудь вбили раскалённый гвоздь и провернули. Воздух исчез. Рёбра сжались, не давая вдохнуть.

По руке поползла не боль, а огонь, выжигающий нервы, заставляющий мышцы дрожать и каменеть одновременно. Сердце пропустило удар, остановившись на долю секунды, прежде чем забиться снова, но уже с бешеной, болезненной частотой.

Я должна! Должна! Я успею! Успею убить его, пока печать не убила меня! Успею!

Я всё ещё сжимала скальпель.

Костяшки побелели.

Ногти впились в ладонь, прокалывая кожу, но пальцы не разжались. Боль была абсолютной. Она стирала границы тела, превращая меня в сплошной крик, застрявший в горле.

— Нет, — прохрипела я. Голос сорвался. — Нет...

Ещё шаг. Колено подогнулось. Не от страха. От магического спазма, перерезавшего связь с мозгом.

Я качнулась, но не отпустила оружие. Боль становилась сладкой, потому что она была моей. Единственным, что принадлежало мне в этом кошмаре.

Лезвие прошло мимо. В сантиметре от его груди моя рука дрогнула. Печать вывернула мое плечо. Я рухнула на колени. Ткань мантии впитала грязь и чужую кровь. Скальпель всё ещё был в руке, направленный в пустоту, вибрируя от напряжения моих мышц.

— Ненавижу! — вырвалось из меня. Крик был хриплым, звериным, полным такой концентрации боли, что воздух вокруг, казалось, дрогнул.

Глава 16

Я вскочила на ноги, попыталась замахнуться снова, но тело меня почти не слушалось. Боль пробивала колени, пронзала болезненными импульсами позвоночник.

Я падала не плавно, а резко, как подрубленное дерево. Клинком я рассекла воздух в сантиметре от его плаща, и в этот миг тень накрыла меня.

Он не отшатнулся.

Рука в черной перчатке — та самая, что только что рвала магов, как тряпичных кукол, — сомкнулась на моём запястье. Не сжала до хруста костей. Просто остановила. Железная хватка, но пальцы лежали странно бережно, словно держали хрупкую птицу, боясь сломать ей крыло.

Я висела на его руке, не в силах ни упасть окончательно, ни подняться. Голова кружилась, темнота подступала к краям зрения, сужая мир до точки. До его маски. До тлеющих углей в прорезях.

Ладонь в чёрной коже сомкнулась на моей шее, останавливая вздох. Но он не сжал мое горло до хруста. Не сломал.

Он потянул меня на себя.

И прижался губами к моим губам.

Его губы были жёсткими, обжигающими, с привкусом металла. Он прижался ртом к моему, заглушая крик, перекрывая кислород. Животная, неутолимая страсть заставила мое тело напрячься и невольно податься ему навстречу, пока разум проклинал его.

Я дёрнулась, пытаюсь отвернуться, вырваться, ударить его лбом в переносицу, но пальцы на моём лице не дрогнули. Сдвинутая на бок железная маска царапала скулы. Его страстное дыхание было горячим, тяжёлым, пахнущим древней магией и чем-то диким, отчего внутри всё сжалось в тугой комок.

Я билась. Пыталась сжать челюсти, плюнуть, укусить.

Но тело меня не слушалось. Печать жгла руку, колени тряслись в грязи, а сердце колотилось в рёбра, словно желая разбиться о них здесь и сейчас.

Зрачки, вопреки разуму, расширились, впитывая каждый оттенок его присутствия, каждую вибрацию его тела, отдающуюся в моей грудной клетке.

Это не было нежностью. Это была демонстрация власти через прикосновение, которое сжигало границы между убийцей и жертвой.

Я услышала ненасытный стон, который заставил колени задрожать.

Когда он наконец отстранился, воздух хлынул в лёгкие. Я закашлялась, задыхаясь, чувствуя, как по губам течёт тонкая струйка крови. Моей или чужой, я так и не поняла.

Я не могла упасть. Он держал меня на весу, пальцы одной руки всё ещё сжимали моё запястье, а вторая ладонь легла мне на шею, тяжёлая, контролирующая. Его большой палец коснулся пульса, проверяя, есть он еще или нет.

Я смотрела на его полуоткрытые губы с ненавистью. Я дышала его воздухом, его жаром, выдыхая свою боль.

Мои пальцы разжались, словно не вынося тяжести скальпеля. Он упал на траву и затерялся в ней.

— Глупая, — прошептал узник. И в голосе не было насмешки. Только глухая, тяжёлая усталость и что-то тёмное, неразборчивое. — Твоя клятва сильнее твоей ненависти. Но я запомню, что ты пыталась.

Зрение окончательно поплыло. В ушах зашумело, сужая мир до тёмного туннеля. Я хотела вырваться, хотела крикнуть, что он не имеет права, что я...

Тьма сомкнулась, мягкая и беспощадная, как вода над головой утопленника.

— Я тут подумал, — продолжил он, и в голосе зазвенела сталь. — Я решил оставить тебя себе. На время. Посмотрим, кто кого сломает первым.

Это было последним, что я услышала.

Глава 17. Дракон

Я никогда не знал, что такое эмоции.

Я не чувствовал то, что должны чувствовать люди. Даже когда впервые осознал, чья кровь течет в моих жилах, ни когда мать пыталась вскрыть мне глотку ржавым ножом, украденным на кухне.

Обида, злость, жалость — всё это было чужими словами, пустыми звуками, которыми люди пытались заполнить свою хрупкую, трескающуюся изнутри жизнь. У меня же внутри всегда стояла тишина. Абсолютная, вымерзшая, неподвижная, как лёд на дне древнего колодца.

Так случилось. Значит, у меня такая природа.

Крепость в Ледяных Пустошах, куда не вели дороги, а лишь тайные порталы, выжигающие плоть до кости при перемещении.

Стены, впитавшие вековой холод и её истерики. «Уберите выродка!» — её голос до сих пор эхом бился в черепе, когда ветер менял направление.

Она шарахалась, плакала, умоляла стражу, бросалась с клинком.

Я помнил, как лезвие выпало из её дрожащих рук и упало на каменный пол, как её красивое и благородное лицо, искаженное ужасом, выглядело уродливо.

А я просто смотрел, как стражники уводят её из моих покоев, оставив открытой дверь, за которой на весь коридор были слышны её крики: «Убейте его! Он — монстр!».

И я снова не чувствовал ничего.

Монстр? Ну, это еще как посмотреть. Зеркало говорило, что я красив.

Внешне я был безупречен — зеркало в моих покоях это подтверждало: я — точная копия своего отца, холодная красота, отточенные линии.

Но внутри? Внутри только злость или пустота.

Тогда меня не сломала её ненависть. Меня удержал Берент. Он не приходил с утешениями. Не читал моралей. Просто садился рядом и молчал. Единственный человек, который не отшатывался от моей крови. Единственный, кто не боялся моей тишины.

Учителя пытались вылепить из меня подобие человека.

«Ешьте, как люди», — бормотал наставник, пододвигая тарелки с изысками, где соус был лужицами, а мясо было нарезано тоньше папиросной бумаги. Я жевал эту безжизненную дрянь, слушая, как за стенами мать снова истерично кричит о ссылке и наказании из-за того, что посмела родить меня.

— Вы сегодня почти как человек, — хвалили меня наставники, видя, как изящно я орудую вилкой и ножом. — Ваш отец будет доволен вашими успехами! Ах, если бы вы так вели себя всегда...

Глава 18. Дракон

Если бы. Люди жили в мире «если бы». Я жил в мире «есть». Факты. Кровь. Голод. Холод. Злость.

«Скажите ему... Я готова на всё... Я готова родить ему нормальное дитя!» — шептала мать посланникам отца. Она падала на колени, просила прощения, умоляла. Наверное, это передавали отцу. Но ему было все равно. Я не знаю, что творилось у него в голове, но каждый раз мать надеялась, что ее заберут.

— Вам нужно учиться взаимодействовать с людьми, — объяснял наставник. — Если человек плачет, вам нужно подойти к нему, спросить в чем дело и утешить его. Сказать, что все будет хорошо. Видите, плачет служанка? Подойдите и спросите у нее, что случилось. Давайте, смелее... Девушка со слезами на глазах несла корзину слив для соуса. Она остановилась перед дверью, растирая руками глаза.

— Что случилось? — спросил я, стараясь подражать интонации наставника.

— О, мой господин. Все в порядке, — прошептала она.

— Нет! — в моем голосе слышалось раздражение. — Что случилось! — Гамель, один из слуг, — прошептала она, испугавшись моего тона. — Он ударил меня и... вам рано еще о таком знать... Но... Он всегда так со мной ведет... Я... я ненавижу его... Но я ничего не могу сделать... Я не стал говорить, что все будет хорошо. Я искренне не понимал, зачем говорить, а не делать? Как может быть все хорошо, если это просто слова? Наутро Гамеля нашли мертвым. — Господин! Зачем вы так? — задохнулся учитель, когда я стоял над телом. — Вам нужно было просто утешить служанку. Сказать, что все будет хорошо!

— Я сделал лучше. Я сделал ей хорошо. Он больше ее не тронет, — ответил я, беря белоснежный платок из рук учителя и вытирая пальцы. — Разве я поступил неправильно?

Раньше я думал, что я неправильный. В тот момент я подумал, что люди такие же, как и я. Они предпочитают делать вид, что им не все равно.

В тот день, когда пришла новость о том, что отец женится второй раз, мать слегла. Она больше не вставала до самой смерти. Ее громкие крики и истерики превратились в тишину.

— На похоронах принято стоять низко опустив голову. Вы должны показывать скорбь, — шептал наставник, когда мать уносили в склеп.

Мне было все равно, куда ее уносят. Но впервые я почувствовал что-то похожее на радость. Да, именно то, что люди называют радостью. Не будет тех истеричных криков. Вместо них будет тишина.

И вот теперь, спустя столько лет, я снова сыт.

Глава 19. Дракон

Впервые за долгое время желудок не скручивала ледяная спираль голода. Хоть меня и кормили, как человека, даже с какими-то изысками, но я находил это отвратительным. Только злое упрямство заставляло меня есть эти прожаренные ломтики мяса, зная, что они продлевают мою жизнь.

Человеческая плоть, горячая, солёная, пахнувшая страхом и сталью, уняла древний зуд в костях. Можно было бы обойтись стадом, но их кровь была пресной, как вода из колодца.

А их кровь... Их кровь пела. Я вытер рот тыльной стороной перчатки, чувствуя, как антимагический яд в боку наконец-то перестал выжигать плоть. Рана, испещрённая белёсыми трещинами, пульсировала реже. Магия подавления отступала, оставляя лишь глухое, непривычное тепло под рёбрами.

Процесс остановился. Но силы у меня поубавилось.

Проклятая рана продолжала течь кровью, а я понимал, что она сама не заживет. Такие раны сами не должны заживать. Чтобы беглеца проще было найти по следам крови. К тому же, истекающего кровью беглеца выследить и найти было намного проще.

Мне нужна целительница. Именно поэтому я оставил ей жизнь.

Она лежала в траве, бессознательная, свернувшаяся калачиком. Мантия целительницы, когда-то белоснежная, теперь была бурой от грязи и чужой крови. Волосы рассыпались по влажной земле, переплетаясь с корнями и опавшей хвоей.

Я смотрел на неё и ждал, когда внутри дрогнет привычная пустота. Когда появится раздражение. Или скука. Или желание убрать препятствие.

Но вместо этого кожа на запястьях покрылась мурашками. Воздух вокруг неё был другим. Плотным. Наэлектризованным. Она пахла озоном, пылью, сухой бумагой и чем-то ещё... Чем-то, что заставляло моё сердце, спящее под рёбрами веками, делать редкие, тяжёлые удары. Тук. Тук. Тук. Слишком ритмично. Слишком гулко.

Я шагнул ближе. Сапог утоп в грязи, но я не заметил. Присел на одно колено. Её дыхание было сбивчивым, неглубоким. Губы запеклись, на подбородке — моя кровь. Та самая, что я оставил на ней, когда прижал её к себе. Я хотел увидеть, сломается ли она, когда чужая воля войдёт в её лёгкие.

Глава 20. Дракон

Она не сломалась. Она боролась. Даже когда печать медикуса выжигала ей нервы, даже когда колени подкашивались, она шла на меня. С жалким куском стали в руке.

С яростью, которая была ярче любого заклинания. Это было... ново. Люди обычно молили. Или замирали. Или пытались бежать. Она же смотрела на меня так, будто я был просто ещё одной раной, которую нужно вскрыть.

Я протянул руку.

Моя магия, обычно тяжелая и дробящая, как удар тарана, вдруг стала... текучей. Она тянулась к ней.

К той точке на её запястье, где горела печать. Клятва Ненасилия. Я чувствовал её структуру: жесткие узлы, запретные петли, магия, вплетенная в нервную ткань.

— Мне придется забрать тебя, — произнес я, словно она меня слышала.

Я убрал руку. Сжал кулак, чувствуя, как ногти впились в кожу перчатки. Из моей спины с болезненным треском одежды вырывались крылья. Я чувствовал их боль, их взмах.

— Ты не против немного полетать? — произнес я вслух, хотя она уже не слышала. Слова повисли в тумане, тяжелые, как свинец.

То, что я подарил ей жизнь, не было милосердием.

Милосердие — человеческая слабость, которой я не обладал. Это был расчет. Если она умрет, я не смогу залечить рану.

Я снова стану тем, чем был: машиной, идущей по костям, эхом истерик в ледяных коридорах. А я не хотел возвращаться в пустоту. Я не хотел снова слушать, как мир сводится к крикам о выроде. Я хотел видеть, как она смотрит на меня. Как сжимает челюсти. Как пытается убить меня дрожащими руками. Это раздражало. Это было... живо.

Я поднял её на руки. Она была неприлично лёгкой. Голова упала мне на грудь, дыхание коснулось разорванного камзола. Я запахнул плащ, закрывая её от холодного ветра и тумана.

Не знаю, зачем я это сделал. Быть может, мне проще было не смотреть на нее. И я укрыл ее не от ветра, а от себя.

Я усмехнулся. Странное чувство.

Я поднялся в воздух. Я нес ее в единственное убежище, где не было карт, стражи и криков. Только камни, огонь и тишина. Теперь там будет её голос. Её шаги. Её ненависть.

Пустота внутри всё ещё стояла неподвижно. Но впервые за много лет в ней появился запах. Запах горьких трав, жизни, ненависти, страха и цветов. И я позволил ему остаться.

Глава 21. Дракон

Камень цитадели помнил мои шаги.

Холодный, выщербленный ветрами и временем, он впитывал эхо моих детских босых ног так же, как теперь впитывал тяжёлый, ритмичный стук сапог, несущих её.

Портал во дворе лежал грудюю осколков, словно разбитая чаша.

Я вспомнил, как ладонь врезалась во вторую печать в главном зале. Звук не был громким — он ушёл в фундамент, в жилы горы. Магия треснула, выпуская наружу накопленный веками холод.

Я стёр все узлы. Все входы, кроме неба. Теперь только крылья могли пересечь эту границу. Пусть ищут. Пусть задыхаются в тумане у подножия, ища способ проникнуть сюда.

Целительница была неестественно лёгкой.

Кости, обтянутые тканью, пропитанной грязью, озоном и моей кровью. Видимо, она еще плохо ела. Главное, чтобы не умерла.

Её дыхание задевало разорванный край камзола — короткое, горячее, прерывистое.

Я нёс её по коридорам, где когда-то эхом отдавались истерики матери, а теперь стояла только гулкая тишина.

Дверь в гостевую спальню поддавалась с глухим стоном, выпуская запах старого дерева и сухих трав.

Сами слова «гостевая спальня» звучали как издевка. Здесь никогда не бывало гостей. Только я, мать и слуги. Ни разу отец не переступал порога этой цитадели. Ни разу сюда не приезжали люди.

О ней все забыли. А может и помнили, но просто предпочли вычеркнуть ее из памяти.

Раз в две недели здесь появлялась еда. Старое заклинание связывало погреб моего отца и эту цитадель. Однажды я своими глазами увидел, как посреди погреба появляются мешки с едой. Несколько яблок выкатилось мне под ноги. А деловитые служанки начинали раскладывать еду по полкам.

Я смотрел на первую гостью, которая переступила порог этой мрачной цитадели, и решил положить ее на кровать.

Перина прогнулась под её весом. Мантия целительницы, когда-то ослепительно белая, теперь напоминала карту боёв: пятна копоти, тёмные разводы, въевшаяся дорожная пыль. Я поправил край плаща, прикрывая её плечо. Не из жалости. Чтобы холод не забрал то, что должно было вылечить меня.

Мои покои встретили меня запахом пыли и остывшего металла.

Я подошёл к зеркалу в потускневшей бронзовой раме.

Пальцы нашли защёлки на затылке. Щелчок. Лязг. Тяжёлая железная коробка отделилась от черепа, и я вдохнул воздух впервые за недели. Он был резким, пыльным, но своим. В отражении на меня смотрели глаза, которые не умели лгать. Тёмные, с вертикальным зрачком, ушедшим вглубь радужки. Лицо, которое называли безупречным, ничуть не изменилось за годы заточения.

Я бросил маску на стол. Металл глухо стукнул о дуб.

Одежда пахла дымом, потом и ржавчиной. Я содрал её, не торопясь. Каждый слой снимался, как старая, приросшая кожа.

Я зажал рукой рану.

Зеркало шептало. Или это шептал старый камень стен, помнящий голоса, которые пытались вылепить из меня человека?

Глава 22. Дракон

Я достал чистую одежду, постиранную магией, и надел на себя. Кровь продолжала течь из раны, а я свернул комком старую рубаху и привязал ее к себе поясом от халата.

Такие раны не лечатся зельями. Они лечатся магией. Руками, которые вбирают в себя боль.

Ком рубахи стал намокать от крови и тяжелеть. От раны по телу расплзался неприятный холод, застывая в жилах.

Я был ужасно зол. Это было так неожиданно. Тот лейтенант. Это он вонзил в меня кинжал. И через секунду заплатил за это жизнью.

Я упал в кресло, узнавая знакомый скрип. Слабость тянула меня, а я хрипло дышал, пытаюсь убедить свое тело в том, что это всего лишь усталость.

Мой взгляд смотрел на дверь, к которой вели следы в виде густых капель крови. Надо встать и проверить, как поживает целительница. Может, она уже пришла в себя? И тогда он сможет меня подлечить.

Только я прикрыл глаза, как вдруг память воскресила голос. Голос старого учителя.

«Вы должны научиться подражать людям! Проявлять заботу, интерес, сочувствие!» — твердил учитель, раскладывая на столе картинки.

Я знал их наизусть. Я знал, что нужно сказать, как повернуться и что ответить. Не такая уж и сложная эта наука. И я уверен, что если это будет нужно, я смогу сыграть любую эмоцию. Но зачем?

«Но я не чувствую сожаления, — отвечал я тогда, глядя на собственные руки. — Зачем мне кого-то обманывать?»

«Понимаете, люди не любят тех, кто сильно отличается от них», — вздыхал Берент, потирая переносицу.

Я помнил этот разговор. Он всплывал всегда, когда я видел в магическое зеркало, как аристократы кивали, улыбались, плакали на похоронах, а на следующий день смеялись над теми же самыми покойниками за вином.

«Скажи мне, Берент. Разве люди всегда испытывают сожаление? Разве они всегда испытывают радость, когда её показывают? Разве это не лицемерие? Ты учишь меня лицемерию. А может, люди такие же, как и я? Может, они просто умеют показывать любовь, заботу, интерес? Но на самом деле они их не испытывают? Ты не думал о том, что они такие же, как и я?»

Старый учитель тогда замолчал надолго. Огонек от свечей дрожал в его уставших глазах.

«Как бы вам ответить на ваш вопрос... — он растёр переносицу. Я знал его жесты. Иногда даже повторял их, потому что находил их забавными. — И да, и нет. Некоторые чувства людей бывают искренними. Некоторые — нет. Но мир держится не на искренности, а на соглашении не срывать друг с друга маски».

Однажды я обнаружил интересную особенность. Я безошибочно определяю слабости человека. Те болезненные точки, куда можно ударить невинной фразой, словом или даже жестом. И в этот момент человек теряет над собой контроль.

Это было даже забавно.

Я сидел и думал. Какую маску я должен примерить для нее? Для учителя у меня была маска прилежного ученика, а иногда и не очень. Для слуг у меня была маска господина. Для матери — маска заботливого сына. И она не верила мне. Даже когда я с подачи учителя шел к ней и пытался проявить заботу.

Маска влюбленного? Было бы забавно.

Этому я научился у моего отца. Я видел стопку писем, в которых он признается в любви жене, говорит, что нужно подождать еще немного... Она берегла их, верила каждому слову. Но на самом деле отец уже подыскивал себе новую невесту.

Что ж, можно попробовать. Женщины многое готовы простить за любовь. Можно сказать, что это слово часто является оправданием.

Но пока торопиться не будем. Мне же она нужна только для того, чтобы залечить рану? А потом я, скорее всего, убью ее. К тому же я даже не знаю ее имени. Оно мне ни к чему.

Глава 23

Сознание вернулось не рывком, а медленно, словно кто-то размешивал тьму в голове, добавляя в неё сначала запахи, потом звуки и только затем — свет.

Я открыла глаза.

Потолок из грубого, потемневшего от времени дуба. Балки, уходящие в полутьму. Пахло сосновой смолой, старой пылью и чем-то сухим, металлическим. И этот запах, казалось, вьелся в камень стен.

Я села, и тело отозвалось тупой ломотой.

Взгляд скользнул вниз.

Мантия целительницы — когда-то безупречно белая, символ статуса и обета — теперь напоминала полотно из грязи и крови.

Бурые разводы, запёкшаяся грязь на подоле, на сапогах застыла корка и засохшие капли, тёмные, как ржавчина.

Сумки не было. Ни флаконов, ни скальпелей, ни даже пустой фляги. Только я, незнакомая комната и эта тишина, плотная, как вата, давящая на барабанные перепонки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.